

УДК 32.001:06
ББК 66
К 126

КАВКАЗ-2008. Ежегодник Института Кавказа. — Ер.: Институт Кавказа, 2010. — 211 с.

- К 126** Шестой выпуск Ежегодника посвящен итогам 2008 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и США на Ежегодной конференции Института Кавказа в апреле 2009 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2008 г.; в них отражена общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы урегулирования конфликтов.

Редактор: **Александр Искандарян**

Редколлегия: **Нина Искандарян, Сергей Минасян**

Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am

Географические карты и верстка: студия «*Коллаж*» / www.collage.am

The Caucasus 2008. CI Yearbook. — Yerevan, CI, 2010. — 211 p.

The sixth CI Yearbook sums up year 2008 in the Caucasus based on talks given at the Yearly CI conference in April 2009 by scholars coming from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and the US. The volume includes analytical papers dealing with various aspects of life in the Southern and Northern Caucasus in 2008. The papers reveal the overall trends in the politics, economics and societies of the Caucasus, outline the situation in regional security, and analyze prospects for conflict resolution.

Edited by **Alexander Iskandaryan**

Copy editing by **Nina Iskandaryan** and **Sergey Minasyan**

Cover design by **Matit** / www.matit.am

Maps and text layout by **Collage** / www.collage.am

ISBN 978-99941-2-364-2

ББК 66

© Институт Кавказа, 2010 г.

© 2010 by Caucasus Institute

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза, Швейцарского агентства развития и сотрудничества и Фонда Генриха Бёлля.

The publication of this volume was made possible by the support of the European Union, Swiss Development and Cooperation Agency and the Heinrich Böll Foundation.

ВОЙНА В АВГУСТЕ 2008 г.

ЭСКИЗЫ НОВОГО СТАТУС-КВО НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Александр Искандарян

2008 г., несомненно, оказался переломным не только для Южного Кавказа, но и для всего постсоветского пространства. Пожалуй, по степени значимости этот год приближается к годам первой половины девяностых — эпохи, в которую завершился распад СССР, произошло образование на его месте новых независимых государств, и прокатилась волна этнополитических войн.

Статус-кво, просуществовавший около пятнадцати лет, резко изменился в 2008 г. Причиной перелома стала августовская война на Южном Кавказе¹. Эта короткая война явилась важным рубежом постсоветской истории. Конечно, и до нее в регионе существовали довольно острые проблемы, от наличия неурегулированных этнополитических конфликтов и возникших в их результате непризнанных государств, до ухудшения и даже обострения в последние годы российско-грузинских отношений. Однако войной были катализированы изменения принципиально нового порядка².

Основными акторами, на которых сказалась война, естественно, стали Грузия и Россия. Но поскольку Россия — один из главных внешних игроков в регионе, а Грузия — один из главных внутренних, результаты войны изменили конфигурацию региона в целом.

Прежде всего, итогом августовской войны явился *российский ревизионизм* в отношении постсоветских границ. Фактически, Россия впервые в своей постсоветской истории выступила в роли «страны, готовой к пересмотру и межгосударственных границ, и своих отношений с нерегиональными игроками (США, Европейский Союз)»³.

¹ В зависимости от складывающихся традиций и политических пристрастий ее еще принято называть «Пятидневной», «российско-грузинской» или «войной за Южную Осетию».

² “Russia VS Georgia: The Fallout”, *International Crisis Group Europe Report No 195*, 22 August, 2008.

³ Сергей Маркедонов, «Преодоление Кавказа», *Россия в глобальной политике*, №5, сентябрь-октябрь 2008, <http://www.globalaffairs.ru/numbers/34/10433.html>.

До августовской войны хотя бы декларируемая неприкосновенность де-юре границ, признанных после распада СССР, была священной короной постсоветской юридической реальности. Ни в Дагомьском, ни в Московском соглашениях не подвергалась сомнению территориальная целостность какого-либо из международно-признанных постсоветских государств. Хотя Россия в разной мере в разные периоды и оказывала политическую поддержку де-факто государствам, образовавшимся в результате этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, ни Россия, ни какое-либо постсоветское государство не признавали их юридически.

После августовской войны 2008 г. во внешней политике России наметился концептуальный поворот. Россия продемонстрировала, что она готова в каких-то случаях ревизовать прошлую реальность, причем помешать этому международное сообщество не захочет или не сможет (что, собственно, в данном случае одно и то же). Появились первые на постсоветском пространстве энтитеты, чью независимость отрицает ООН, но признает Россия — член Совета Безопасности ООН.

Конечно, Москва, равно как и западные страны в косовском прецеденте, многократно утверждала, что ревизия границ локальна, что она касается Абхазии и Южной Осетии, но не касается Нагорного Карабаха и Приднестровья. Впрочем, как и в случае с Косово, противоречивость подобной позиции очевидна и Степанакерту, и Тирасполю, и, конечно же, Кишиневу, Баку и Еревану. Поскольку постсоветские границы теперь уже не безусловная ценность, то, очевидно, могут существовать и условия их игнорирования не только де-факто, но и де-юре.

В частности, именно желание продемонстрировать исключительность случаев Абхазии и Южной Осетии, судя по всему, и было одной из основных целей инициированного Россией подписания Майндорфской декларации по карабахскому конфликту. И все же, несмотря на все сознательные усилия, нельзя скрыть очевидное: в 2008 г. Россия четко продемонстрировала «красную линию» в возможности ее вытеснения с Южного Кавказа и свою готовность в такой ситуации пойти в том числе и на создание прецедента перекройки постсоветских границ.

Следующий итог этой войны столь же очевиден, как и первый. Он сводится к тому, что *военным путем решить подобного рода кон-*

фликты невозможно. Подробный военный анализ августовской войны и ее последствий содержится в статье, подготовленной для этого выпуска Ежегодника Сергеем Минасяном. Как и многие другие аналитики, писавшие об этой войне и ее уроках, он приходит к выводу о «первичности политических обстоятельств (или политических ограничителей) по отношению к любым военным возможностям». Действительно, попытка блицкрига со стороны Грузии окончилась неудачей, несмотря на наличие объективно неплохо подготовленных и хорошо вооруженных войск и вполне приличной техники, да еще при подавляющем превосходстве в людском потенциале в первые сутки войны, до подхода российских войск. А ведь блицкриг представлял собой единственный, хоть и небольшой, шанс для грузинской армии. Затем произошло вступление в войну вооруженных сил России, после чего исход кампании был предreshен, несмотря на имеющиеся у российской армии многочисленные проблемы с эффективностью и командованием. Таким образом, военное решение оказалось невозможным не по техническим, а в первую очередь по политическим причинам.

Этот вывод, несомненно, был сделан многими региональными игроками и, в частности, руководством Азербайджана. После браваурного заявления, опубликованного МИД Азербайджана в самые первые сутки войны, наступило многозначительное молчание, сохранявшееся и на официальном, и на аналитическом уровне вплоть до конца 2008 г.⁴

Еще одним результатом войны явился *новый формат* Южного Кавказа как региона в рамках российско-южнокавказских взаимоотношений. Главное изменение было в том, что вплоть до войны, при всех трениях с Грузией, Россия воспринимала Южный Кавказ в формате «Грузия-Армения-Азербайджан» плюс «непризнанные Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах». Теперь же части этого пространства — Южная Осетия и Абхазия — фактически (но не юридически) стали частью северокавказского формата российской политики: Южная Осетия в большей степени, Абхазия — в меньшей. В то же самое время Грузия для России исчезла из юж-

⁴ «Власти Азербайджана поддерживают Грузию в конфликте с Южной Осетией», Кавказский узел, 09.08.2008, <http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1226899.html>.

нокавказского формата вообще. Российско-грузинские отношения (ведь конфликт — это тоже отношения) стали частью совершенно другого формата. Теперь Грузия с точки зрения России существует за пределами Южного Кавказа, в рамках скорее российско-западного противодействия, чем южнокавказской политики.

На сегодня Южный Кавказ состоит для России только из Армении и Азербайджана. Это принципиально новая ситуация, которая, в частности, сделала возможным активизацию процесса армяно-турецкого примирения. Хотя армяно-турецкий процесс начался еще до «Пятидневной войны», она придала ему серьезное ускорение, а может быть, даже сделала возможной его сколько-нибудь эффективное протекание. Россия при желании способна заблокировать практически любую инициативу на Южном Кавказе, и армяно-турецкий процесс просто не развивался бы, если бы Россия была против. Однако, с выбыванием Грузии из формата Южного Кавказа и появлением преграды между Россией и Арменией, перед Россией встала задача сохранить некий уровень влияния в Армении. Это даже чисто географически становится сложным после разрыва любых отношений с Грузией, поскольку Россия с Арменией не граничат, между ними лежит территория Грузии. В этом контексте налаживание отношений между Арменией и Турцией открывает для России новые перспективы для контактов с Арменией и влияния на нее.

Еще одним интересным следствием войны стал тот факт, что *России не удалось добиться поддержки* своих действий ни от одного государства мира, и, что, наверное, даже интереснее, ни от одной из стран на постсоветском пространстве. Новые «независимые государства» Абхазию и Южную Осетию не признала даже Белоруссия, не говоря уже об Армении. Выпукло проявилась проблема отсутствия у России партнеров, готовых поступаться своими интересами ради интересов своего стратегического союзника⁵. Москве приходится все больше отдавать себе отчет в том, что в основе ее отношений со странами, на поддержку которых она хотела бы рассчитывать, лежат совершенно новые принципы, причем совершенно иные, чем Москве хотелось бы. В целом разнонаправленность

⁵ Федор Лукьянов, «После кавказской войны: предварительные итоги», «РИА Новости», *Аналитика и комментарии*, 16.09.2008.
<http://www.rian.ru/analytcs/20080916/151315539.html>.

интересов практически любого государства в глобальном мире — не новость, но формирование такого рода отношений в рамках СНГ еще не вполне завершено. Отказ постсоветских стран, в том числе и под давлением, признать независимость Абхазии и Южной Осетии — важный сигнал о том, что формирование многовекторных отношений между странами бывшего СССР зашло достаточно далеко.

Еще одно следствие войны — это резкое *изменение роли и формата Грузии* в регионе в глазах как внутренних, так и внешних игроков. Как на уровне имиджей, так и в географическом и коммуникационном смысле роль Грузии резко понизилась в результате войны. Перспективы вступления в НАТО и тем более ЕС перестали обсуждаться даже журналистами и даже теоретически. Грузия перестала восприниматься как наиболее передовое государство региона, могущее послужить примером для других, и это привело даже и к поискам обходных транспортно-коммуникационных путей вокруг нее.

И последнее, но тоже немаловажное следствие. Россия впервые после распада СССР продемонстрировала, что *способна открыто применять силу вне собственной территории*. Перед государствами-соседами встает вопрос о новых способах обеспечения собственной безопасности. Попытки строить безопасность «против России», как это пыталась делать Грузия, окончились очевидным крахом, поскольку есть пределы, за которые Россия отступать на постсоветском пространстве не собирается. Ясно, что теперь придется строить модели безопасности только с учетом России, поскольку в противном случае риски очень высоки. И это, возможно, основной урок «Пятидневной войны».